

Н.В. Подмогильная

«И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ И ... ЛЮБОВЬ»

*Рецензия на монографию Е.И. Романовой
«Любовь и самосознание личности в русской литературе»
(Днепропетровск: Новая идеология, 2012. - 286 е.).*

В несколько обезличенном современном научном дискурсе, теряющем следы индивидуальности автора в шаблонных, но необходимых схемах, обозначающих объект, предмет и задачу предпринятого исследования, едва ли не наиболее привлекательным и интересным жанром остаются монографии. Именно в такого рода обстоятельных работах просматривается и личность ученого, и ясно прочерчивается вектор его научных интересов, и выразительно проступает неповторимость стиля. Отмеченные аспекты вполне вняты и в монографии Е. И. Романовой с интригующим названием «Любовь и самосознание личности в русской литературе».

Привлеченный автором материал не просто выразителен и репрезентативен, он впечатляет широтой хронологического охвата - от XVIII до начала XXI века. Обманутыми окажутся те читатели, которые ожидают встретить только лишь размышления о любовных сюжетах в русской литературе, так сказать, в романном, интрижном, альковном смысле. Задача, поставленная автором монографии, много шире - проследить историко-культурную эволюцию и эстетическую трансформацию проблемы пола как одной из важнейших и сложнейших аксиологических тем самосознания и бытия личности в философском смысле этих понятий.

Базовые инстинкты любого живого существа - секс, иерархия, территория - в сфере человеческой культуры видоизменяются, становятся культурными феноменами, довольно жестко увязанными с осмыслением человеком окружающего мира и себя в этом мире. В монографии Е. И. Романовой исследуется любовь как культурный феномен в его художественных воплощениях в русской литературе, начиная практически от первых текстов, скажем так, выводящих из пуританского замалчивания указанную тему. Автор выстраивает последовательную и вполне логичную схему эволюции любовной темы, прослеживая дискурсивно ее модификации в ключевых для данного контекста произведениях русской литературы - от В. Третьяковского до Вл. Сорокина. Легитимизация темы любви становится знаком разрыва с прежней религиозной моделью отношений человека и мира в первом светском печатном русском романе В. К. Третьяковского «Езда в остров Любви», причем этот разрыв у Третьяковского вербализован оглушительно громко, если учитывать эпоху создания названного произведения. В этом смысле становится понятно, почему в качестве точки отсчета в исследовании обозначен именно этот текст.

Поскольку Е. И. Романова сознательно выбирает знаковые тексты, позволяющие максимально убедительно и вместе с тем доказательно проиллюстрировать исследовательскую концепцию, то уместно использовать слово «разрыв» для обозначения новаторского подхода к освещению темы любви в текстах изучаемых писателей: такая аналитическая оптика, на наш взгляд, и способствовала формированию целостной историко-литературной картины. Разрыв Н. М. Карамзина с жестко детерминированной этикой Просвещения особенно ощутим в повести «Бедная Лиза», исполненной глубоких и тонких философских предчувствий и предвидений. Кармазин не просто вводит в любовную историю ранее табуированные темы - так называемого «падения» женщины, самоубийства, инцеста («Остров Борнгольм»), но под его пером в решении этих тем смещены традиционные границы добра и святости и открыто новое экзистенциальное пространство личности доря будущего русской литературы.

К несомненно привлекательным и свидетельствующим о достоинствах рецензируемой монографии особенностям относятся интересные и нередко неожиданные выводы автора о содержании не просто хорошо знакомых специалистам, но почти истрепанных в многочисленных литературоведческих работах текстов. К примеру, пушкинское творчество - это то текстовое пространство, где, казалось бы, уже расставлены все важнейшие акценты, сказаны все необходимые слова. Но Е. И. Романову интересуют не адресаты пронзительных поэтических любовных признаний А. Пушкина, не те темы, которые с научной обстоятельностью и широтой представлены, скажем, в работах, указанных в «Семинарии по Пушкину» Л. Фризмана (Харьков: Энграм, 1995), или в книге О. Проскурина «Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест» (М.: НЛО, 1999).

«Маленькие трагедии» А. С. Пушкина Е. И. Романова анализирует как цикл, целостность которого определяется поисками основными героями «трагедий» смысла человеческого бытия. Утрата любви для Фауста оборачивается непреодолимым стремлением к самоубийству, а отказ от любви во имя высших ценностей становится симптомом «философского самоубийства» Скупого («Скупой рыцарь») и Сальери («Моцарт и Сальери»), Любвеобильный грешник Дон Гуан, пытаясь постичь тайну верности, испытывает на прочность границы, точнее сказать, пределы и возможности любви, а его своеобразным продолжателем-преемником на этом пути становится раскаявшийся святой Вальсингам, бунт которого сопряжен с утратой любви Матильды. В монографии выдвигается гипотеза о том, что именно «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина составили своего рода канву дня философских построений знаменитого «Эссе об абсурде» А. Камю.

Эпоха романтизма, насквозь проникнутая ностальгией по утраченной цельности жизни, стремится отыскать в любви способ преодоления остро ощущаемого отчуждения личности, получившего свое литературное воплощение в хрестоматийно известных образах «лишних людей». Принципы

романтической иронии развиваются и в первых, еще связанных с поэтикой «натуральной школы» реалистических произведениях. Так, Е. И. Романова рассматривает повесть И.С. Тургенева «Муму» как деконструирующую рецепцию классического романтического любовного сюжета.

Литературный период «критического» реализма отмечен попытками увязывания, даже жесткого сцепления смыслов человеческого существования с социальностью. Поэтому вполне закономерно, что в знаковых произведениях русской литературы о русской жизни - романах «Кто виноват?» А. И. Герцена и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского - способность любить оказывается непременным условием способности преобразования общества на разумных рациональных основаниях.

Но уже Л. Н. Толстой четко дифференцирует «мысль народную» и «мысль семейную» (по Толстому, концентрировано выражающую тему любви), хотя позднее, охваченный ужасом перед иррациональностью стихии пола, писатель откажется признать ценность последней.

Иной подход к теме любви наметился в творчестве Ф. М. Достоевского. Даже в низком и греховном сладострастии Карамазова-отца писатель обнаруживает зерна той истинной любви, которая только и сможет, по мысли Достоевского, объединить человечество. Эта идея Достоевского станет исходным пунктом в становлении русской эротической философии и художественного творчества Серебряного века (в монографии достаточно подробно анализируется известная, фундаментальная для художественных поисков представителей Серебряного века работа Вл. Соловьева «Смысл любви»).

Начало XX века, как известно, ознаменовалось глубочайшим кризисом: это был кризис не столько экономический и политический, сколько мировоззренческий. Глубинные, устоявшиеся основы бытия стремительно изменялись, и представления человека о любви и смерти, о смысле жизни переставали действовать автоматически. Модернизм был одержим идеей передежи мира и человека, и тема любви - для кого-то спонтанно, а для других осознанно - оказалась в центре пересечения ожесточенных споров. В рассматриваемой монографии исследуются разновекторные концепции любви в таких принципиально отличных по идейному своему наполнению произведениях, как натуралистические романы П. Боборыкина, неонатуралистический роман М. Арцыбашева «Санин», роман М. Горького «Мать» и др.

Нельзя не согласиться с мыслью Е. И. Романовой и том, что на рубеже веков отчетливо эротизируется сам образ России - наиболее выразительно, пожалуй, этот феномен продемонстрирован в процессе анализа повести И. Бунина «Деревня».

В романе Е. Замятина «Мы», где с жанрово предполагаемым абсурдом осмысливаются итоги и перспективы русской революции, личностная,

индивидуальная любовь становится импульсом и средством, взрывающим тоталитарность Единого Государства.

Поскольку, как мы отмечали, в фокусе автора монографии - прежде всего выразительность и временная характеристика презентации темы любви, то, сознательно оставляя за скобками своего исследования многих авторов и их произведения, Е. И. Романова завершает монографию анализом романа Вл. Сорокина «Лед», в котором предложена очевидная постмодернистская деконструкция «смыслов любви» соловьевского Всеединства (весьма убедительное подтверждение логической выверенности концепции), трактуемого современным писателем как эротическая антиутопия.

В истории развития темы любви обнаружилось множество интереснейших тенденций, выявление и фиксация которых может уточнить наше представление о процессах, происходивших и происходящих в русской литературе, и, думается, к этой теме литературоведы обратятся еще не раз. Автору рецензируемого исследуемого, с нашей точки зрения, удалось решить поставленную перед собой непростую, но чрезвычайно интересную задачу.